

«МНЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПРИВЫЧНО...»

Пушкин в Бахчисарае

*Коляска легкая в дорогу
Его по почте понесла...*

А.С. Пушкин

«Оставляем этот рассказ, как заведомо ложный, без рассмотрения». Эта, звучащая будто приговор, фраза принадлежит перу Б.Л. Недзельского, автора известной книги «Пушкин в Крыму» (Симферополь, 1929). Столь жесткая оценка относится к некоторым страницам дневника Ю.Н. Бартенева, написанным в 1843 году в Симферополе.

История их появления связана с отставкой и переездом в Крым князя Александра Голицына. Известный вельможа, бывший обер-прокурор Священного Синода и министр народного просвещения, уйдя в отставку, поселился на Южном берегу, в своем имении Гаспра. Туда же приехал и его бывший чиновник по особым поручениям Ю.Н. Бартенов. Зимой Юрий Никитич заболел и ездил на лечение в Саки и Симферополь. Вот тогда и появились его крымские дневники, увидевшие свет в 1898-1899 годах в «Русском архиве». Отзыв Б.Л. Недзельского относится к фрагменту дневников отставного чиновника «Жизнь в Симферополе 1843 г.». Его автор поселился тогда у симферопольского доктора Петра Ивановича Ланга, со слов которого и были записаны строки, вызвавшие столь резкую реакцию пушкиноведа. Итак, запись за «четверток, 15-го Июля»: «Между прочими разговорами он мне рассказал, что был знаком с Пушкиным и сделал это знакомство во время пребывания Пушкина в доме Раевских, еще когда был жив старик отец их. Пушкин приставал тогда к моему хозяину (Лангу — А.М.) чтобы он указал ему хороших девушек в Бахчисарае; хозяин, чтоб от него отделаться, начал ему рассказывать легенду о пригожей Польке, знаменитой пленнице крымского султана. Пушкин не устал выслушивать все подробности этого события, задумывался, отходил от общества и вот вдруг однажды поутру приносит тетрадь, в которой начертано было начало дивной и знаменитой поэмы: «Бахчисарайского фонтана». Всякий день прибавлялось несколько стихов, которые с восторгом выслушивали Раевские и мой хозяин». Далее следует факт, имеющий для нас принципиальное значение: «После для обзора местности Пушкин сам ездил в Бахчисарай. Таким образом, продолжал хозяин, я был причиною, что Русская литература обогатилась столь изящным творением». Разумеется, все сказанное очень привлекательно для краеведов. Но вот пушкинисты по-прежнему оставляют этот фрагмент «без рассмотрения».

После его прочтения недоверие Б.Л. Недзельского становится понятным. Невероятно, чтобы поэт услышал легенду о *Фонтане слез*

впервые в Симферополе, уже после пребывания в Бахчисарайском дворце. Недоверие вызывают и претензии инспектора врачебной управы на особую роль в истории создания поэмы «Бахчисарайский фонтан». В то же время запись Ю.Н. Бартенева заставляет вновь задуматься о последних крымских днях поэта.

Ведь мы не знаем даже, сколько времени Пушкин пробыл в столице губернии. В переписке и творчестве он не оставил нам ни одного упоминания о Симферополе. Загадкой остается и творческая жизнь Александра Сергеевича в эти дни. Мог ли Пушкин создать в те дни какие-то строки «Бахчисарайского фонтана», как утверждал отставной доктор? Вероятно, мог. Мы вправе это предположить еще и потому что черновики большей части поэмы до нас не дошли. Категорическое «нет» здесь неуместно. Второй, не менее важный вопрос: имел ли поэт возможность приехать хотя бы еще раз в Бахчисарай из Симферополя? Никто из писавших о его пребывании в Крыму не сомневается в том, что в губернском центре он находился с 8 сентября. Разноголосица начинается при определении даты его отъезда в Кишинев. Вспомним, что говорят об этом пушкинисты:

Б.Л. Недзельский: «Сколько времени пробыл Пушкин в Симферополе и когда он выехал в Кишинев, до сих пор точно установить не удалось».

Бертъе-Делагард А.Л.: «Пушкин уехал из Симферополя ...немедленно по приезде туда с Южного берега, т.е. около 8-9 сентября...».

М.А. Цявловский: «Сентябрь, 12...14. Отъезд Пушкина из Симферополя в Одессу».

М.А. Синюков: Пушкин пробыл в Симферополе до 17 сентября 1820 года (вывод сделан на основании записок Г.В. Геракова).

Б.Б. Кунин: поэт прожил в Симферополе «по последним изысканиям краеведов, до 17 числа».

М. Выгон: «...точная дата отъезда остается не ясной».

Ю.М. Лотман: «В середине сентября Пушкин оставил Крым...».

Н.М. Дружинина: «Между 12 и 14 сентября Пушкин вынужден был уехать в Кишинев».

А.Е. Тархов, Л. Вьюницкая: «вероятно», завершилась «симферопольская неделя» балом у губернатора Крыма А.Н. Баранова 15 сентября.

Таким образом, большинство исследователей считает, что поэт находился в Симферополе максимум до 17 сентября.

Что касается версии А.Л. Бертъе-Делагарда, то если бы Пушкин отправился из Симферополя 8-9 сентября, то в Одессу он должен был приехать 11-12 сентября. Факт отъезда именно в это время ничем не подтверждается. Известно другое. В «Летописи» М.А. Цявловского зафиксировано: «Сентябрь, 20. Отъезд Пушкина из Одессы в Кишинев».

Когда же Александр Сергеевич отправился в Одессу? Давайте «проедем» вместе с поэтом, в коляске его родителей, запряженной тремя лошадьми, на что петербургский изгнанник, будучи коллежским секретарем, имел право. Напомню, что в пушкинское время коляска —

рессорный четырехколесный экипаж с откидным верхом — была самым удобным летним средством передвижения.

Нас ждут «остановки» на почтовых станциях. Согласно тогдашним правилам дорожного движения мы будем, «проезжать» до 10 верст в час — обычная скорость для едущих «по своей надобности». Впрочем, иногда можно и «полихачить», ведь системы контроля на почтовых трактах еще не существует. Думаю, дорога объяснит многое.

Путь из Симферополя до Одессы — 460 верст, «обычно продолжался трое суток». Ехали через Берислав, Херсон и Николаев. Мы располагаем также важным свидетельством декабриста Никиты Муравьева, писавшего 17 сентября 1820 г. матери из имения А.М. Бороздина Саблы: «...ехали 6 дней от Одессы до Симферополя — расстояние которое можно проехать за двое суток». Видимо, Н. Муравьев здесь несколько преувеличивает. Проехать за двое суток 460 верст невозможно. Даже в зимнее время, при езде днем и ночью по санной дороге, одолевали лишь расстояние до 200 верст. Более вероятен первый вариант: 460 верст за трое суток.

Остается еще участок пути от Одессы до Кишинева — 194 и 3/4 версты. И.П. Липранди, кишиневский приятель Александра Сергеевича, писал, что в Кишинев поэт приехал 21 сентября. Если учесть, что в сутки на «почтовых» обычно проезжали 70-100 верст, значит, из Одессы путник ехал к месту назначения до двух суток, торопясь значительно меньше.

Итак, весь путь составлял 654 и 3/4 версты и по времени — примерно 5 суток. Не забудем об остановках на почтовых станциях и прибавим еще одни сутки. Для того, чтобы приехать на место назначения 21 сентября, поэт должен был оставить Симферополь около 15 сентября. Разумеется, это примерный расчет. Все дорожные нюансы в нашем случае учесть невозможно. Скорость движения вполне могла быть и большей. Можно было договориться с ямщиком и проделать путь быстрее.

К чему же мы пришли в итоге? Если поэту не помешали в пути какие-то неизвестные нам обстоятельства, то весь прошедший перед нами парад цифр свидетельствует о том, что петербургский изгнанник, заканчивая путешествие по полуденной земле, имел возможность еще раз самостоятельно побывать во «дворце Бахчисарая». На это у него оставалось несколько дней. Косвенно это подтверждает его письмо к Петру Вяземскому 20 декабря 1823 г., где Пушкин заметил: «...в моем эпилоге («Бахчисарайского фонтана» — А.М.) описание дворца в нынешнем его положении подробно и верно...».

И давайте еще раз заглянем в «Отрывок из письма к Д.», где Пушкин сообщает: «В Бахчисарай приехал я больной». И далее: «Лихорадка меня мучила». Мог ли поэт, которого «мучила» лихорадка и который пробыл во дворце около половины суток, «подробно и верно» ознакомиться с бывшей резиденцией Гиреев? Вряд ли. Вот побудительный мотив для второго, теперь уже самостоятельного приезда в Бахчисарай. Мы подошли к главному предполагаемому эпизоду нашей дорожной истории. В Симферополе поэт

прожил, очевидно, несколько дней, один из которых он провел в бывшей столице Крымского ханства.

Обратимся вновь к цифрам и фактам. Как сообщает нам К. Монтандон в своем «Путеводителе путешественника по Крыму», дорога между Симферополем и Бахчисараем составляла тогда 30 верст. И пройти ее можно было, исходя из известных нам правил движения и возможных скоростей, за три часа и меньше. Вспомним, что Раевские и Пушкин одолели это расстояние довольно быстро. Оставя Бахчисарай утром, в губернском центре они были уже до обеда. Что значит «до обеда»? Вопрос заставляет нас обратиться к дворянскому быту пушкинских времен. И не забудем о том, что в столицах и провинции он существенно отличался. Известнейший исследователь быта и традиций русского дворянства Ю.М. Лотман, говоря о начале 1820-х годов, отметил, что для богатых, не служащих людей Петербурга около «четырёх часов пополудни наступало время обеда. Такие часы еще явственно ощущались как поздние и «европейские»: для многих было еще памятно время, когда обед начинался в двенадцать».

Но это касается столичных светских людей типа Евгения Онегина, то есть достаточно узкого круга. Основная часть дворян Москвы и Петербурга придерживалась традиционного времени обеда. Тем более это относится к дворянству отдаленных губерний. Значит, Раевские и Пушкин приехали в Симферополь, вероятно, до двенадцати часов дня, находясь в дороге, как мы уже знаем, около трех часов. Прибавьте еще столько же времени — путь в оба конца составит примерно шесть часов, плюс возможные остановки. Мы следуем за поэтом в сентябре, когда световой день достаточно большой, и будущий автор «Бахчисарайского фонтана» мог еще многие часы «бродить» по «безмолвным переходам» летнего дворца Гиреев. И, может быть, благодаря его второму пребыванию здесь описание резиденции ханов стало «подробным и верным».

Эта ситуация соответствует стремлениям молодого поэта, позднее написавшего: «...с детских лет путешествия были моею любимой мечтою». «Охота к перемене мест» всегда волновала душу поэта. Мечтал он вновь побывать и в Крыму. В «Отрывке из письма к Д.» поэт спрашивал у адресата: «Растолкуй мне теперь, почему полуденный берег и Бахчисарай имеют для меня прелесть неизъяснимую?»...

Проживи Александр Сергеевич более долгую жизнь, когда-нибудь почтовый тракт снова привел бы его туда, «Где древних городов под пеплом дремлют мощи, / Где кипарисные благоухают рощи...»

Бахчисарай. 2006.

